

Удивительная Елена

Тургеневская премьера
в Малом театре

Обычно услужливая и цепкая в таких случаях память положительно отказывается что-либо подсказать... Даже порывшись в ней самым тщательным образом, нельзя отыскать аналог тому, что произошло в Одесском театре 21 октября 1876 года на премьере комедии барона Икса «Накануне» (по Тургеневу).

Сведение счетов актеров с насолжившими им рецензентами (или, что бывало несравненно чаще, таковыми актерскому самолюбию казавшимися) производилось двумя способами: путем натурального мордобойства (натурами грубыми и непосредственными) или гримировкой под газетчика персонажа, совершающего в пьесе мерзопакостные поступки, так, чтобы весь театр с глумливым злорадством мог тыкать в рецензента пальцем (натурами более мягкими и интеллигентными).

Барон Икс (С. Т. Герцо-Виноградский) был критиком дельным, строгим и принципиальным, то есть принципиальным врагом актерской богемы. И вот, когда он имел несчастье или неосторожность взяться за перо литератора, актеры посчитали, что настал их час «расчеститься за овец». Они намеренно провалили спектакль. Они говорили не по тексту, а черт знает что, как придет в голову, пропускали выходы, обращали реплики не тем персонажам. Провал был полный, но и грандиозный скандал тоже, выплеснувшийся и на страницы прессы.

Я пишу об этом, во-первых, потому, что говорю о любопытном и малоизвестном факте истории русского театра. А во-вторых, несмотря на то, что несколькими месяцами спустя легендарная Фанни Козловская в Харькове рискнула поставить «Накануне» в свой бенефис и замечательно сыграла Елену, одесская одиссея оказалась мрачным провозвестником дальнейшей анелитературной судьбы тургеневского романа. Он не появлялся на сцене десятилетиями. Уже на рубеже пятидесятих годов нашего века широко по стране пошла инсценировка А. Арбузова, но ни один спектакль не стал мало-мальски заметным явлением. Затем — полное фиаско в кино, в балете.

После всего сказанного понятно, с каким волнением шел я на премьеру Малого театра и с каким сладостным восторгом уходил с нее, увидев Елену, рисовавшуюся моему воображению.

Ирина Печерникова дала в Елене образ необыкновенной, удивительной девушки, именно то, что, кроме Фанни Козловской, не удалось ни одной исполнительнице, и вся хроматическая гамма этой удивительности, прорезающая весь спектакль, завершается мощным трагическим аккордом в заключительном чтении прощального письма Елены родителям.

«Молодая девушка с бледным и выразительным лицом...», «линии чистые, строгие, прямые». Когда она слушает, «ни одна черта не тронется, только выражение взгляда беспрестанно меняется, а от него меняется вся фигура». Это — Тургенев, это — и Печерникова. Попадание точное и полное.

В мире довольства, самодовольства и порушенных надежд, мглистых иллюзий и слоновой неколебимости обывательской правды, тайных радостей и парадных неурядиц Елена — И. Печерникова будто из другого мира, удивительная и непонятная. «Было что-то нездешнее в каждой черте этой женщины, юной и стройной, и лежал на тревожной ее красоте отпечаток Италии знойной» — это словно прямо про нее. Уже здесь, в старомодной гостиной стаховского дома, у кренящейся, как бы кланяющейся часовенки, в убогом уюте инсаровской комнатенки, она вся там — у собора Святого Марка и Дворца дождей, среди вкрадчивого шепота венецианских каналов с декоративной жизнерадостностью их гондольеров, сотрясающего кашля ее болгарина и сокрушающего отчаяния вердиевской Виолетты...

Сравнивая двух тургеневских героинь — Лизу Калитину и Елену Стахову, Н. Шелгунов

полагает первую выше по духовной энергии «Елена без Инсарова невысказана. Без его активной помощи она или зачахнет, или уйдет в монастырь». Это чуть-чуть и не о Тургеневе — в монастырь ушла все-таки Лиза Калитина, и совсем не о Елене — И. Печерниковой. Инсаров у А. Харитоновой очень правильный, придаться не и чему, хотя нервной силы в нем все-таки маловато, и поцелуй жаркого южного моря, кажется, едва коснулся его. В их любви с Еленой он идет следом. Елена — И. Печерникова вовсе не собирается безмятежно купаться в лучах его страсти. Ее чувство деятельно, активно, взыскующе. Ее бурное признание звучит едва ли не ультимативно — даря свою любовь, она требует, чтобы эта любовь была взята вместе с ее любовью к истерзанной Болгарии. «Освободить свою родину!.. Эти слова даже выговорить страшно, так они велики...». Елена выговаривает их как клятву.

В чисто театральном смысле Елена — И. Печерникова необычайно эффектна и красива. Мы почему-то стесняемся употреблять такие слова, так пусть они прозвучат здесь, ибо звучат они самой благородной и возвышенной мелодией.

Режиссер и автор инсценировки В. Седов выстроил драматическое действие так, что в фокусе его, в наиболее ярком свечении оказались те, кто наиболее близко соприкасается с Еленой. А. Коршунов играет Шубина сочно, с искрой. Но пока еще в нем нет пострижения в художники, а скорее — простая отзывчивость к искусству. С этим не поймешь тот

Елена — И. ПЕЧЕРНИКОВА, Инсаров — А. ХАРИТОНОВ.
Фото И. ЕФИМОВА

успех, какой свалился на Шубина в романе. Берсенева — немножко резонер, он не слишком-то богато осыпан милостями судьбы, и потому порассуждать на отвлеченные темы для него — значит хоть на минуту шагнуть в иной, более радужный мир. Берсенева А. Овчинникова весь тут, на земле. В его взгляде лучится безмерная доброта, и отзывчивость, и мягкость, но в звуках его голоса, точнее, в их обертонах, вы угадываете то, что человек этот возьмет свое, схватит судьбу за глотку. Сильно проводит сцену объяснения с Еленой Н. Верещенко (Николай Артемьевич).

Женские образы как-то не вписались в спектакль. Из инсценировки исчезли их наиболее действенные эпизоды, и у меня, грешным делом, мелькнула мысль, что, исчезни и они вместе с действительными эпизодами, ничего бы, право, не изменилось. И совсем неожиданно яркой вышла бессловесная роль Аннушки в исполнении студентки Щепкинско-го училища И. Мануйловой. Краски наложены, быть может, чрезмерно густо, не по-тургеневски, но с такой радостной интенсивностью, хоть зажмурься.

Впрочем, что такое «тургеневское» и «нетургеневское»? Н. П. Акимов как-то с иронией сказал, что существует единый рецепт ставить Тургенева в «нежных пастельных тонах и дымке». Для спектакля Малого театра этот рецепт оказывается просроченным. Начиная с оформления О. Твардовской и В. Макушенко, решавших его не в живописном, а в чисто конструктивном плане, во всей компоновке действия, чреватого резкими контрастами, напряженно пульсирующим ритмом, динамичной сменой сценической атмосферы, — какая уж тут дымка! А спектакль — тургеневский.

Как сценарист В. Седов ведет открытую игру. Он не пытается смастерить пьесу, он предлагает именно инсценировку. Опыт последних лет убеждает, что, когда из романа выкраивают драму, роман теряет куда больше, нежели при незамысловатой, «чистой» инсценировке. В данном же случае это было просто необходимо, потому что тургеневское «Накануне», пожалуй, точнее было бы назвать «Елена Стахова». И в этом — главный выигрыш спектакля.